

Ценности миростроевской культурной традиции

Е.А. Тюгашев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию: 04.09.23

В окончательном варианте: 26.10.23

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Ценности миростроевской культурной традиции // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 119–130. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.18>

Аннотация. В статье дана аксиологическая характеристика миростроевской культурной традиции как одной из магистральных традиций, определяющих цивилизационное развитие России. Основными ценностями данной традиции являются самовластие, взаимное почитание, живость, поновление, хитроумие.

Ключевые слова: Россия; цивилизация; традиция; ценности; жидовствующие; западничество; либерализм; стригольники.

Values of the world-building cultural tradition

Е.А. Tyugashev

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Original article submitted: 09.09.23

Revision submitted: 26.10.23

■ For citation: Tyugashev E.A. Values of the world-building cultural tradition. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):119–130. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.18>

Abstract. The article gives an axiological characteristic of the world-building cultural tradition as one of the main traditions that determine the civilizational development of Russia. The main values of this tradition are autocracy, mutual veneration, liveliness, renovation, cunning.

Keywords: Russia; civilization; tradition; values; judaisers; westernism; liberalism; strigolniki.

Демаркация миростроевской традиции

Термин «миростроевский» употребляется крайне редко. В истории античной философии известны трактаты Демокрита «Большой мирострой» и «Малый мирострой», посвященные устройству космоса (или мирового порядка). В истории России как миростроевскую я предлагаю обозначать культурную традицию, наиболее мощной манифестацией которой стало западничество. Последнее генетически восходит к Демокриту как одному из основоположников либерализма.

Термин «мирострой» сопряжен с названием трактата «Домострой». Последний воспринимался в XIX веке как знамя славянофильства [5, с. 428] и был объектом критики со стороны западников [18, с. 104]. Поскольку уже во время данной полемики было признано существование многовековой домостроевской культурной традиции, то справедливо говорилось и о многовековой западнической традиции [19, с. 246–318], восходящей к призванию варягов. Насколько справедливо считать ее знаменем «мирострой», покажет последующее изложение.

В связи с этим предполагается, что существо миростроевской традиции отнюдь не состоит в ориентации русской культуры на Запад. Если домостроевская традиция передает свод мудрости по управлению домашним хозяйством, то горизонт миростроевской традиции определяется переустройством миропорядка. Вместе с тем «западничество» является важным феноменологически фиксируемым маркером данной традиции, отличающим ее, скажем, от русского космизма. Кроме того, западничество связывается с вольнодумством и свободомыслием, ориентацией на демократизацию общественной жизни. Разумеется, ценности миростроевской традиции не должны ограничиваться идейно-политической областью, а должны представлять собой образцы массового поведения.

При погружении в прошлое русской культуры западническая традиция прослеживается от П.Я. Чаадаева к масонам XVIII века, более или менее интенсивному западничеству русских самодержцев вплоть до Ивана III, ереси жидовствующих и стригольникам. Истоки западнической (и миростроевской) традиции локализуются в Великом Новгороде. Примечательно, что и домостроевская традиция укоренена в новгородской культуре. Таким образом, еще раз проявляется сопряженность домостроевской и миростроевской культурных традиций.

Если западничество XIX века представлено прежде всего личностью П.Я. Чаадаева, то в Великом Новгороде одной из таких фигур является мыслитель XII века Кирик Новгородец [16]. Иеродиакон Антониевского новгородского монастыря Кирик известен как первый русский математик («статистик мироздания») и характеризуется исследователями как западник и эгоцентрист, дерзкий ироник и энциклопедист, природоцентрист и рационалист, представитель традиции демократизма, веротерпимости и свободомыслия.

Не раз отвергнутая традиция?

Восхождение к Кирику как к авторитетному представителю миростроевской традиции представляется проблематичным. Повод для такой проблематизации

дают некоторые оценки известного историка древнерусской мысли В.В. Милькова. В учении жидовствующих он видит отвергнутую традицию [13]. Ересь стригольников, вопреки общему мнению исследователей, он связывает с патриархальным язычеством, а не с последующими еретическими учениями XV–XVI веков [14, с. 43]. В отношении Кирика и его связи с предшествующей ирландской христианской традицией он писал, что «обогнавший свое время Кирик стал последним выдающимся представителем по достоинству еще не оцененной традиции, которая в новых реалиях превратилась в отсохшую ветвь на стволе древнерусского христианства» [15, с. 37].

Думается, что не совсем так. Например, В.В. Мильков соглашался с выводом Н.К. Гаврюшина о том, что восходящая к Кирику космоциклическая традиция пользовалась на Руси неизменным влиянием [16, с. 161]. Кроме того, «Вопрошание Кирикова» включалось в состав Кормчих книг.

Важно также подчеркнуть, что Кирик Новгородец не был одиноким интеллектуалом. Он являлся выходцем из заморской по происхождению общины Антониева монастыря, которая отличалась западничеством, независимостью и демократизмом. Круг общения Кирика составляли числолюбцы, риторы и мудрецы — круг ученой молодежи, в среде которой присутствовала состоятельность.

Как западник характеризуется покровительствовавший св. Антонию, основателю Антониевского монастыря, новгородский епископ Никита (1096–1108 гг.) [16, с. 63]. Нечуждый интереса к иудейской «книжной премудрости», он проявлял религиозный либерализм и обвинялся в ереси. По заключению исследователей, он способствовал появлению в Новгороде носителей мощного интеллектуального потенциала, создавших благоприятную среду для развития местных талантов [16, с. 63].

Еще одним представителем церковного западничества в Новгороде был епископ Иоанн Попьян (1110–1130 гг.). «Оба новгородских владыки представляли веротерпимое, лояльное к наукам и некоторым западнохристианским традициям направление в древнерусской церкви», — пишут исследователи [16, с. 63].

Западное влияние шло не только через торговые контакты, но и через родственные англосаксонские связи матери новгородского князя Мстислава — Гиды Гаральдовны [16, с. 76]. В частности, в Новгороде утвердилось литургическое чествование ряда западных святых [16, с. 63].

Таким образом, в своих умонастроениях Кирик не есть непонятый одиночка. По оценке С.И. Смирнова, Кирик — это тип, а его мировоззрение «имело на Руси распространение более обширное по времени и месту» [24, с. 130].

Кроме западничества, сходство воззрений партии Кирика с последующими умонастроениями, относимыми нами к миростроевской традиции, проявляется в отрицательном отношении к мздоимству [6, с. 160] и в симпатии к Ветхому Завету [24, с. 126]. Эти признаки едва ли свойственны кирилло-мефодиевской традиции, к которой, по мнению В.В. Милькова, принадлежит Кирик [16, с. 170].

Показательно, что, как и творчество Кирика, ересь жидовствующих и полемика с нею стали «сильнейшим импульсом едва ли ни для всей интеллектуальной деятельности XVI в.» [25, с. 407–408]. Несмотря на разгром ереси жидовствующих, связанная с нею книжность продолжила свое существование в виде единого комплекса и во второй половине XVI в. [25, с. 409].

Аналогичный импульс русской общественной мысли придали «Философские письма» П.Я. Чаадаева.

Следовательно, миростроевская традиция если и исчезала время от времени, то только из виду. Уходя из фокуса общественного внимания, эта традиция продолжалась (прежде всего, элитами) на социально-практическом уровне.

Самовластие

Это первая ценность, которая бросается в глаза при описании различных исторических проявлений миростроевской традиции. Она манифестирована в первой строке «Лаодикийского послания» Федора Васильевича Курицына, главы московского кружка еретиков-жидовствующих: «Душа самовластна, заграда ей вера...» [цит. по: 11, с. 142].

В православной ортодоксии самовластие означает дарованную человеку Богом способность выбирать между добром и злом, т. е. свободу воли. Так, в «Слове о самовластии», содержащемся в сборнике «Измарагд» (XV век), говорится: «Самовластии Богом сотворени есмы, или спасемся или погибнем волею своею» [цит. по: 11, с. 136]. Бог и дьявол не могут принудить человека к выбору между добром и злом, но могут помочь, когда определенный выбор сделан.

На протяжении XVI века в общественно-политической публицистике шел спор о самовластии. По оценке А.И. Клибанова, «“самовластная душа” была душой русского культурного процесса, его идейной осью, по обе стороны которой велась борьба...» [11, с. 147]. Самовластие трактовалось и как самовластие души, и как самовластие ума, и как самовластие человека в целом. Самовластие понималось как свобода — свобода выбора, свобода мысли, свобода воли и душевных порывов. Представление о самовластии человека вело к утверждению о «его субстанциональности, его монадности при сохранении всех его связей, отношений, зависимостей в мире предлежащем и посюстороннем и с миром ... потусторонним» [11, с. 152–153].

В связи с этим возникали проблемы соотношения самовластия и бесчинства, самовластия и своеволия, возможно, дьявольской природы самовластия «монадной» личности и необходимости отказа от свободы воли и возвращения к рабской и слепой покорности авторитетам, властям, традициям. Как справедливо отмечал А.В. Черняев, в XVI веке идея самовластия породила целый спектр истолкований — от проектов социального переустройства до отрицания какого-либо блага в самовластии у иосифлян. «Иосифлянская концепция получила завершение и применение в теории и практике Ивана Грозного, с точки зрения которого все людское самовластие персонифицировано в фигуре православного царя, — пишет он. — Таким образом, идея самовластия прошла в русской средневековой культуре логический цикл. Если сначала образ личного Бога способствовал духовному и социальному раскрепощению человека, то в XVI в. образ Небесного царя был соединен с образом царя земного, что содействовало утверждению авторитаризма и, по словам Андрея Курбского, “затворению свободного естества человеческого”» [29, с. 259].

Можно согласиться с мнением о том, что самочувствие новгородца определяли «свобода, независимость и связанная с ним ответственность за личное спасение» [7, с. 144], тогда как человека Руси Низовой характеризовали

«дисциплина, послушание и служение» [7, с. 144]. Но примечательно, что Кирик, с его независимостью и свободолюбием, не высказывал прореспубликанских пристрастий, а был приверженцем идеала самовластия в варианте единой державы [16, с. 33–34]. Аналогично В.Г. Белинский, критически оценивая дремучий лес абстрактных умствований ложно понятого «русского европеизма» и апеллируя к фактам истории России, обоснованно утверждал: «В царя наша свобода, потому что от него наша новая цивилизация, наше просвещение, так же, как от него наша жизнь» [2, с. 247].

Итак, самовластие человека проявляется не только в свободе, но и в самоволии и своеволии. Нормальными в рамках самовластия являются неопределенность и неустойчивость воззрений, сумятица и противоречивость мысли, шаткость ума и постоянная смена точек зрения («ничуть не более», как заявлял Демокрит). «Ну, так что ж! — восклицал П.Я. Чаадаев. — Я это признаю, ибо я — не из тех, кто добровольно застывает на одной идее, кто подводит все — историю, философию, религию под свою теорию, я неоднократно менял свою точку зрения на многое, и уверяю вас, что буду менять ее всякий раз, когда увижу свою ошибку» [28, с. 158]. И к этому непостоянству надо быть готовым тем, кто принадлежит к другим культурным традициям.

Взаимное почитание

Утверждалось, что Бог сотворил самовластие духовное, предобрейшее и преподобнейшее. Поэтому самовластие божественно [11, с. 139]. Последующий текст «Лаодикийского послания» в изложении, предложенном А.И. Клибановым, гласит следующее: «Оградой самовластия, чтобы оно не превратилось в бесчинство, служит вера, учителем которой является пророк» [11, с. 144]. А.И. Клибанов заключает: «“Лаодикийское послание” возвело в достоинство наивысшей духовной ценности пророческий дар, сопряженный с мудростью <...> Идеологи и руководители ереси видели собственное предназначение в том, чтобы выступать как пророки своего времени» [11, с. 145]. Наряду с доступным каждому индивидуальным профетизмом получает основание «возможная претензия человека на равнобожие, и не в силу божественной благодати, а благодаря раскрытию сил самовластной души и самовластного ума» [11, с. 153].

Наблюдение А.И. Клибанова о профетизме и равнобожии относимо ко всей миростроевской традиции.

Так, сам имевший репутацию пророка П.Я. Чаадаев был убежден в том, что «пророк и его истолкователь в умственной иерархии расположены на одной линии» [27, с. 451]. Понимающий пророка сам является пророком.

В отношении поведения Кирика отмечалась его независимость в отношениях с епископом Нифонтом, а следовательно, принадлежность к традиции, чуждой иерархическому этикету и строгому единоначалию [16, с. 67]. Первоначально Антониев монастырь был независим от новгородского епископа. Отношения выходца из Рима Антония, вообще не имевшего церковного сана, и новгородского епископа Никиты выстраивались на основе равенства и взаимного почитания, испрашивания друг от друга на коленях благословения и молитвы [16, с. 66].

В Антониевом монастыре существовали отношения общинного равенства. В росписях Рождественского собора Антониева монастыря проводилась идея равенства святителей и монахов [16, с. 70], а монашеское служение уподоблялось апостольской и святительской миссии [16, с. 64].

Известно, что Никита отказывался изучать Евангелие, но изучил иврит и знал наизусть все книги Ветхого Завета. Он стал пророчествовать еще в Киево-Печерском монастыре, до назначения на новгородскую кафедру.

Функция пророчества социально-практически реализовывалась в прогно- стике, в частности, в расчетах пасхалий, времени пришествия Христа и време- ни ожидаемого конца света.

Важными представляются размышления Ю.М. Лотмана о послепетров- ской культуре в ее связи с христианством и освободительной традицией [12]. Согласно Ю.М. Лотману, в этой литературе: а) высшим авторитетом и судьей выступает грозный ветхозаветный Бог, а его чертами может наделяться закон природы или народ; б) писатель получает статус пророка; в) пророческий ста- тус подтверждается мученичеством и жертвенностью.

Феномен мирского или секулярной святости [1; 17] симптоматичен для миростроевской традиции, а почитание (*cultus*) проявляется в культе отдель- ных личностей (Петра I, М.В. Ломоносова, декабристов и др.), классов (напри- мер, пролетариата) и профессиональных групп (летчиков, полярников, физи- ков и др.), культе народа или отдельных эпох в его развитии (допетровской Руси) и т. п. Почитание не ограничивалось уважением и идеализацией, а на- ходило продолжение в поклонении и служении.

Живость

В миростроевской традиции мир воспринимается в динамике. «Взгляни- те вокруг, — писал П.Я. Чаадаев. — Разве что-нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении» [27, с. 323]. И только Россия, как полагал он, живет «среди плоского застоя» [27, с. 325]. По его убеждению, продви- нуть русское общество вперед смогут только люди принципиальные: «Пло- дотворен один лишь фанатизм совершенства, страсть к истине и красоте» [27, с. 473].

В отношении ереси жидовствующих констатировалось, что для нее ха- рактерно динамическое восприятие мира как длящегося творения [7, с. 15]. В противоположность еретикам Иосифу Волоцкому свойственно статиче- ское восприятие мира — как данности, исполненности и завершенности [7, с. 15].

В отношении Кирика отмечается, что в его «Учении о числах» «мир рас- сматривается в динамике, тогда как образ сотворенного мироздания в христи- анских описаниях обычно статичен» [16, с. 161].

В движущемся мире естественной является подвижность. Антоний Рим- лянин писал о себе, что он не давал покоя ни себе, «ни братии, ни сиротам [писцам — Е.Т.], ни zde крестьянам досажая» [6, с. 160].

Такую модель поведения А.С. Демин определяет как живость [9, с. 105– 127]. Рассматривая феномен живости применительно к изображению геро- ев в русской литературе XVII века, он фиксирует постоянную подвижность персонажей, подробность описания действий, энергичность и насыщенность

действий. «Оживление» героев литературы он объясняет возросшей бытовой «живостью», требованиями деловитости и энергичности.

П.Я. Чаадаев считал, что «необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение» [27, с. 334]. Маркерами такого оживления стали обличения застоя и «мертвых душ», призывы к живым душам и живым дарованиям, поиски живого дела и живых слов, живых мыслей и живого знания (живой религии, живой науки, живого искусства и т. п.).

Как проявления живости человека приветствовались его беспокойность и бескомпромиссность, мучительная страстность и неистовость, искренность и пламенность, пребывание в перманентном нравственном возбуждении. Примечательна в этом отношении характеристика А.И. Герцена: «“Колокол” был более чем слаб. Он скорее мог сбить с толку и правительство и общество, нежели указать какой-либо определенный путь. В нем выражался весь Герцен, огненный, порывистый, нетерпеливый, раздражительный, полный блеска и ума, но кидающийся в крайность и не умеющий оценить существующие условия жизни» [30, с. 389–390].

Поновление

Динамичность мира означает его незавершенность, несовершенство и необходимость его улучшения и даже переделки.

Как напоминает И.А. Герасимова, в Ветхом Завете имеются места, свидетельствующие о периодическом очищении мира от безобразия (нарушений морального порядка) и восстановлении благообразия, образа Божия [3, с. 130]. Она упоминает также Иоанна Златоуста, который, размышляя над этими местами Священного Писания, рассуждал о пользе всемирного потопа, землетрясений и других крушений вселенной в деле полного очищения ее и обновления стихий.

Кирик известен концепцией циклического (через определенное количество лет) поновления земли, моря, небес, воздуха. Отмечалось, что данный циклизм «настраивал на выявление источника обновления, дающего приток свежих сил в мире и обеспечивающего гармонию мироздания» [16, с. 161].

Ориентация на новь бытия проявилась в новаторских архитектурных решениях, принятых при постройке храма Рождества Богородицы Антониева монастыря [16, с. 53–54]. Отмечается и новаторство «Вопрошания» Кирика [16, с. 351].

Ценность обновления актуализировалась в послепетровской России в связи с задачей формирования новой породы человека, новых людей как возможного источника обновления. П.Я. Чаадаев жаловался, что, когда «весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы» [27, с. 332].

Согласно А.И. Герцену, природа обновляется в непрерывном движении, в повсюдных переменах [4, с. 24]. Но в истории обновление составляло проблему. Он не видел другого средства обновления Европы и старого буржуазного мира, чем социализм. Впрочем, другой западник В.Г. Белинский заявлял:

«Царская власть всегда была живым источником, в котором не иссякали воды обновления...» [2, с. 246].

Хитроумие

Надежды на единодержавие не случайны для представителей миростроительской традиции. Так, и программа жидовствующих была в конечном счете реализована самодержавием [23].

По-видимому, справедливо замечание о том, что, например, для П.Я. Чаадаева — при его личной склонности к аристократии — форма правления вообще не имеет значения [26]. Для поновления мира и оживления человечества могут быть использованы любые средства, допускаемые верой.

В связи с инструментальным отношением к окружающему обратим внимание на ряд аспектов поведения представителей миростроительской традиции.

В отношении «Вопрошания Кирикова» отмечалось, что, обращаясь к высокопоставленным лицам, широко эрудированный вопрошатель «продуманно задавал тематику собеседования, избегая прямых суждений, тонко расставлял оценочные акценты в записи беседы» [16, с. 42]. В некоторых вопросах Кирика «крылся определенный подвох» [16, с. 207]. Кирик, придерживаясь собственной и вполне оригинальной точки зрения и нуждаясь в сановитом и знающем толкователе казусов церковной жизни, «подталкивал собеседника на поиск непростых для ситуации того времени решений» [16, с. 36]. А для беседовавших с ним епископов Кирик выступал «в роли сподручника по прояснению уставных положений церковной практики» [16, с. 45].

Еретики-стригольники, будучи двоеверцами, по-язычески поклонялись Земле и Небу. Но отрицание посредничества священнослужителей в общении с Богом они подкрепляли авторитетом ветхозаветных текстов [8, с. 311]. Поэтому стригольников обвиняли в «злехитрстве».

Для объяснения тактики еретиков-жидовствующих — православных священников, тайно обращавших православных, была выдвинута «теория двурушничества» [10, с. 161]. Двурушничество использовалось не всегда, но в целом тактика оказалась успешной, а в XVI веке «загнанная в подполье, ересь продолжала свое существование и опять вышла на поверхность при новом подъеме общественного движения» [10, с. 224].

Иосиф Волоцкий писал о зломудрии и лукавстве еретиков. Правомерно, на мой взгляд, говорить о хитроумии — изворотливости ума.

Размышляя о хитроумии Одиссея в сравнении с простоватой правдивостью Ахиллеса, Ю.А. Разинов усматривает в хитроумии проявление свободы ума, подвижный авантюрный разум, оборотистый многоопытный ум [20]. Хитроумие — это «пестроумие», владеющее всей полнотой сознания и способное справиться с обманом обманщика.

Как рефлекс хитроумия можно рассматривать поведение В.Г. Белинского в восприятии Ю.Ф. Самарина, который заметил: «Система спора, принятая критиком в отношении к славянофилам, так удобна, что действительно трудно от нее отказаться. Обыкновенно он навязывает им то, чего они никогда не говорили, а потом опровергает их тем, что они первые сказали» [21, с. 100].

Итак, нами выделены следующие ценности миростроевской культурной традиции: самовластие, взаимное почитание, живость, поновление, хитроумие. Термины, выбранные нами для обозначения традиции и ее ценностей, довольно условны и в различной степени востребованы в исследовательской практике. Но они входят в тезаурус российской культуры и соотносимы с содержанием описываемых явлений.

Как можно заметить, ценности миростроевской традиции гораздо масштабнее, чем ценности западничества как геокультурной и социально-политической ориентации в их обычном восприятии. Данная масштабность позволяет, с одной стороны, интегрировать довольно известные категории русской культуры, а с другой стороны — объяснить те метаморфозы и парадоксы русского западничества, на которые обращали внимание его критики. Но именно эта масштабность ценностей легитимирует миростроевскую традицию в целом.

Список литературы

1. Андреева Л.А. Секулярная святость: культ революционных мучеников в российской истории // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 278–295. EDN: UYHXBZ
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 3. 683 с.
3. Герасимова И.А. Принципы гармонии в творчестве Кирика Новгородца. В кн.: Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. Ч. 1. С. 128–153.
4. Герцен А.И. Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1986. Т. 2. С. 3–117.
5. Герцен А.И. Былое и думы. Москва; Ленинград: Госиздат, 1931. Т. 1. 536 с.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
7. Григоренко А.Ю. Религиозная мысль Московской Руси: иосифляне, нестяжатели, еретики. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2017. 154 с. EDN: CWFVMS
8. Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. Санкт-Петербург: РХГИ, 2001. 960 с. EDN: UGGOFD
9. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. Москва: Языки русской культуры, 1998. 848 с. EDN: SUMANB
10. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–начала XVI века. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с. EDN: CWFVMS
11. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. Москва: Аспект Пресс, 1996. 368 с.
12. Лотман Ю.М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция. В кн.: Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1996. С. 254–265.
13. Мильков В.В. Отвергнутая традиция: учение еретиков-«жидовствующих». В кн.: Древняя Русь: пересечение традиций. Москва: Скрипторий, 1997. С. 420–448. EDN: XMFQOD
14. Мильков В.В. Учение стригольников. В кн.: Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. IV. Москва: Наука, 1993. С. 47–58.
15. Мильков В.В. Кирик Новгородец: особенности воззрений и политических предпочтений. В кн.: Земля и Власть в истории России. Сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина / под ред. А.В. Лубкова. Москва, 11–12 декабря 2018 года. Москва: МПГУ, 2020. С. 25–39. EDN: LFZONP

16. Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. Москва: Кругъ, 2011. 544 с. EDN: SBVQJJ
17. Панченко А.М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема. В кн.: Панченко А.М. Русская история и культура: работы разных лет. Санкт-Петербург: Юна, 1999. С. 361–374.
18. Писарев Д.И. Сочинения: в 4 т. Том 1. Статьи и рецензии 1859–1862. Москва: ГИХЛ, 1955. С. 97–159.
19. Плеханов Г.В. Сочинения. Москва; Ленинград: Госиздат, 1925. Т. XX. 363 с.
20. Разинов Ю.А. Влечение к обману, или чем хитроумный Одиссей лучше правдивого Ахиллеса // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2–1(93). С. 12–18. EDN: PJCRBF
21. Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника», исторических и литературных. В кн.: Самарин Ю.Ф. Сочинения. Москва: Д. Самарин, 1877. Т. 1. С. 28–108.
22. Секретарь Л.А. Антоний Римлянин и его деятельность по устройению монастыря в честь Рождества Богородицы в Новгороде — месте формирования личности выдающегося ученого-математика и богослова Кирика Новгородца. В кн.: Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. Ч. 1. С. 72–95.
23. Смирнов В.Г. Государевы вольнодумцы. Загадка Русского Средневековья. Москва: Вече, 2011. 253 с.
24. Смирнов С.И. Древнерусский духовник: исследование по истории церковного быта. Москва: Синодальная тип., 1913. 568 с.
25. Турилов А.А., Чернецов А.В. К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы. 1989. № 1. С. 407–429. EDN: ZGYVZD
26. Филина А.И. Исторические и политико-правовые взгляды П.Я. Чаадаева [Электронный ресурс] // История и археология. 2015. № 6. Режим доступа: <https://history.snauka.ru/2015/06/2177>. Дата обращения: 12.07.2023.
27. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Москва: Наука, 1991. Т. 1. 800 с.
28. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Москва: Наука, 1991. Т. 2. 671 с.
29. Черняев А.В. Идея «самовластия» человека в русской социально-философской мысли XVI в. // Историко-философский ежегодник'2010. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 239–260.
30. Чичерин Б.Н. Воспоминания: в 2 т. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 1. 496 с.

References

1. Andreeva LA. Secular holiness: the cult of revolutionary martyrs in Russian history. *Dialogue with time*. 2018;(64):278–295. EDN: UYHXBZ
2. Belinsky VG. *Complete works*. In 13 vol. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1953. Vol. 3. 683 p. (In Russ.)
3. Gerasimova IA. Principles of harmony in the work of Kirik Novgorodets. In: *Kirik Novgorodets and Old Russian culture*. Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise; 2012. Part 1. P. 128–153. (In Russ.)
4. Herzen AI. *Works*. In 2 vol. Moscow: Mysl; 1986. Vol. 2. P. 3–117. (In Russ.)
5. Herzen AI. *Past and Thoughts*. Moscow; Leningrad: Gosizdat; 1931. Vol. 1. 536 p. (In Russ.)
6. *Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov*. Ed. by S.N. Valka. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1949. 408 p. (In Russ.)
7. Grigorenko AY. *Religious thought of Moscow Russia: Josephites, non-possessors, heretics*. Saint Petersburg: SPbGEU; 2017. 154 p. (In Russ.) EDN: CWFVMC

8. Gromov MN, Milkov VV. *Ideological currents of Old Russian thought*. Saint Petersburg: RHGI; 2001. 960 p. (In Russ.) EDN: UGGOFD
9. Demin AS. *About the artistry of ancient Russian literature*. Moscow: Yazyki russkoi kultury; 1998. 848 p. (In Russ.) EDN: SUMAN
10. Kazakova NA, Lurie YaS. *Anti-feudal heretical movements in Russia of the XIV — beginning of the XVI century*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1955. 544 p. (In Russ.)
11. Klibanov AI. *Spiritual culture of medieval Russia*. Moscow: Aspect Press; 1996. 368 p. (In Russ.)
12. Lotman YuM. Russian culture of the post-Petrine era and the Christian tradition. In: Lotman YuM. *About poets and poetry: Analysis of the poetic text*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb; 1996. P. 254–265. (In Russ.)
13. Milkov VV. Rejected tradition: the teaching of heretics—“Jews”. In: *Ancient Rus: the intersection of traditions*. Moscow: Scriptorium; 1997. P. 420–448. (In Russ.) EDN: XMFQOD
14. Milkov VV. The Teaching of strigolnikov. In: *Public Thought: research and publications*. Issue IV. Moscow: Nauka; 1993. P. 47–58. (In Russ.)
15. Milkov VV. Kirik Novgorodets: Features of views and political preference. In: Land and Power in the history of Russia. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference in memory of Professors A.G. Kuzmina, V.G. Tyukavkin and E.M. Shchagin. Ed. by A.V. Lubkov. Moscow, 2018 Dec 11–12. Moscow: MPGU; 2020. P. 25–39. (In Russ.) EDN: LFZONP
16. Milkov VV, Simonov RA. *Kirik Novgorodets: scientist and thinker*. Moscow: Krug; 2011. 544 p. (In Russ.) EDN: SBVQJJ
17. Panchenko AM. Russian poet, or Worldly sanctity as a religious and cultural problem. In: Panchenko AM. *Russian history and culture. Works of different years*. Saint Petersburg: Una; 1999. P. 361–374. (In Russ.)
18. Pisarev DI. *Works*. In 4 vol. Vol. 1. Articles and reviews 1859–1862. Moscow: GIHL; 1955. P. 97–159. (In Russ.)
19. Plekhanov GV. *Works*. Moscow; Leningrad: Gosizdat; 1925. Vol. XX. 363 p. (In Russ.)
20. Razinov YuA. Attraction to lie (deception), or why cunning Odysseus better than the truthful Achilles. *Bulletin of Samara State University*. 2012;(2–1(93)):12–18. EDN: PJCRBF
21. Samarin YuF. On the opinions of the “Contemporary”, historical and literary. In: Samarin YuF. *Works*. Moscow: D. Samarin; 1877. Vol. 1. P. 28–108. (In Russ.)
22. Secretary LA. Anthony the Roman and his activities on the establishment of the monastery in honor of the Nativity of the Virgin in Novgorod — the place of formation of the personality of the outstanding scientist-mathematician and theologian Kirik Novgorodets. In: *Kirik Novgorodets and Old Russian culture*. Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise; 2012. Part 1. P. 72–95. (In Russ.)
23. Smirnov VG. *Sovereign Freethinkers. The Riddle of the Russian Middle Ages*. Moscow: Veche; 2011. 253 p. (In Russ.)
24. Smirnov SI. *The Old Russian confessor: a study on the history of church life*. Moscow: Sinodal'naya tipografiya; 1913. 568 p. (In Russ.)
25. Turilov AA, Chernetsov AV. To the cultural and historical characteristics of the «judaizers» heresy. *Hermeneutics of Old Russian literature*. 1989;(1):407–429. EDN: ZGYVZD
26. Filina AI. Historical, political and legal views P.Ya. Chaadaeva [Internet]. *History and archaeology*. 2015;(6). Available from: <https://history.snauka.ru/2015/06/2177>. Accessed: 12 July 2023. (In Russ.)
27. Chaadaev P.Ya. Complete works and selected letters. In 2 vol. Moscow: Nauka; 1991. Vol. 1. 800 p. (In Russ.)
28. Chaadaev P.Ya. Complete works and selected letters. In 2 vol. Moscow: Nauka; 1991. Vol. 2. 671 p. (In Russ.)

29. Chernyaev AV. The idea of “autocracy” of a person in the Russian socio-philosophical thought of the XVI century. In: *Historical and Philosophical yearbook'2010*. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives; 2011. P. 239–260. (In Russ.)
30. Chicherin BN. *Memoirs*. In 2 vol. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh; 2010. Vol. 1. 496 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Александрович ТЮГАШЕВ — доктор философских наук, доцент, доцент теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Новосибирск, Россия; eLibrary SPIN: 9105-2093. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. TYUGASHEV — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law, Constitutional Law of the Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; eLibrary SPIN: 9105-2093. **E-mail:** filosof10@yandex.ru